

Роман Виктюк остается на гребне волны! Каждая его постановка вызывает обвал рецензий. Вот и в прошедшем году новая пьеса Н.Коляды подстегнула периодику начать гонки в эстафете рецензий. Конечно же, первой вырвалась «Литгазета». Показателен пример феномена, который можно окрестить «самый первый!». «Виктюк — кокетливая и возбужденная мамаша...», — имитирует на страницах «ЛГ» развязность интеллигента в первом поколении рецензент А.Шаталов. — «...Говорят, после Италии Роман Григорьевич похудел и вынужден расстаться с частью своих пиджаков...», «Любуясь безукоризненной фигурой юноши...» (это о главном герое!). И вообще, главный герой, по мнению рецензента, демонстрирует «достоинства своего тела, его гибкость, силу...», а потому и он — «хорошенькая кокетливая девушка, с легкостью играющая на чувствах другого мужчины» (какое знание предмета разговора!). Ну, а для «усвояемости» читателя (кашу маслом не испортишь!) еще раз под занавес: Виктюк — «капризная дама, взмахивая пухлыми руками...» и т.д. Право, не рецензия, а слюнявенькая сплетенка, переданная такой же «кокетливой дамой» (обидевшейся, скажем, на то, что у режиссера пиджаков в гардеробе оказалось побольше, чем у нашего ценителя Мельпомены). К чести рецензента, он признается: «Да я знаю, чем все это кончится, все понятно, — приговаривает сидящий рядом Эдуард Лимонов». Последнее делает достижимыми две цели: нам ненавязчиво дается понять, что автор

рецензии приобщен к САМОМУ ЭДИЧКЕ; второе: демонстрируется ЭДИЧКИНА ПРОЗОРЛИВОСТЬ (как будто с первых страниц книжек Лимонова нам, читателям, не ясно, чем они кончаются?). Словом, рецензии на Виктюка пишутся именно так: ни слова о пьесе — и все о пиджаках!

Мы решили не подражать новомодному процессу литературного распускания слюней в рецензионной бороде — и пообщаться с самим Романом Виктюком накануне Нового года. И все тут! И никаких гвоздей... то есть пиджаков!

— Вспоминается фраза из «Алхимии слова» Парандовского: «Искусство — это беспорядок, — говаривал один лакей, хозяин которого был поэтом»... Эта фраза обычно ассоциируется с рабочим столом. Интересно, что представляет собой рабочий стол режиссера? Во всяком случае, какие книги раскрыты на этом столе у Романа Виктюка?

— Мое счастье в том, что приходится репетировать сразу несколько спектаклей, постановок которых связана не только с Москвой, но и Неаполем, Римом, Санкт-Петербургом... Поэтому в круг чтения входят авторы, драматурги, которые тебя сейчас занимают: это итальянец Альдо де Бенедетти — «Я тебя больше не знаю, милый», Николай Коляда и его пьеса «Полонез Огиньского», а также пьеса «Фердинанд» молодого итальянского драматурга Ручельо, погибшего в возрасте 30 лет в катастрофе... Здесь же, конечно, и Федор Михайлович Достоевский, и его «Идиот», и «совре-

менный Достоевский» Пиранделло. Круг философской литературы меня интересует прежде всего. Конечно, это Бердяев, который всегда со мной и смысл творчества которого непостижим. Бердяев был со мной и в Италии, где я пытался артистам, не знающим его, на каждой репетиции внушать идеи великой религиозной философии, заразить ими.

Я читаю сейчас потрясающую пьесу Жана «Балкон», а также — все о Жане (для этого мне специально сделали всевозможные переводы его эссе)... Вожу с собой двухтомник Николая Клюева. Читаю «Комнату Джованни» Болдуина и «Крылья» Кузмина, потому что у меня есть идея сделать оперный вариант либо по «Комнате Джованни», либо по «Крыльям». Думаю, в «Крылья» войдет не только проза, но и стихи Кузмина. Сейчас молодой композитор Андрей Семенов как бы входит со мной в музыкальный дуэт: мы общаемся, он приносит мне свои первые наброски.

По всей квартире у меня разбросаны книги по философии начала века. Здесь есть и Шестов...

Кстати, на Первом Казачьем переулке, за красивым заборчиком, есть книжный магазинчик, где работают потрясающие, самоотверженные люди, увлеченные своим делом. Они достают всю литературу серебряного века, философскую литературу — выбор фантастически богатый!

— Наверное, после публикации нашей беседы в этот магазинчик ринутся книжные фанаты. Не боитесь конкуренции?

— Не боюсь. Это великое счастье. Там работает девушка по имени Галочка. Она очень образованный человек, знает, кому что предложить из книг. Знает, что если я уехал в Италию, значит, нужно оставить книги до моего приезда...

— А где вы еще достаете книги, кроме этого магазинчика?

— У меня разные точки. Я знаю такие маленькие магазинчики, как «Путь», где продается духовная литература (раньше он находился у трех вокзалов, теперь его перенесли к Белорусскому вокзалу); тоже маленький-маленький магазинчик, в нем работают тоже самоотверженные люди. В Санкт-Петербурге у станции метро «Горьковская» есть такой же магазин,

директор которого просто влюблен в книги. У них тоже всегда есть потрясающая литература. Поэтому в рекламе они не нуждаются...

Вообще я удивлен, как много молодежи тянется сейчас к книгам — то, чего я не видел в Америке и той же Италии, где книжные магазины пустуют... В наших же магазинах от обилия покупателей даже на душе хорошо.

— Читают ли ваши актеры?

— Конечно! Не просто читают, а категорически должны читать! Как же может быть иначе? Разве можно говорить об «Идиоте» Достоевского, не прочитав книг о мирозерцании Достоевского, не зная работы Шестова о Достоевском?.. Когда артист выходит на сцену без культурного мировоззрения, без культурной кармы, — очевидно, что его ожидает провал: происходит замена актерской профессии. Одно дело, когда есть знаки, мимика, голос... Другое дело — то человеческое естество, которое насыщается энергией, получаемой от количества мыслей той или иной прочитанной книжки. В каждой книге заложена энергетическая взрывная структура. Если ты вникаешь в поток мыслей писателя, то обязательно вбираешь его в себя.

Второй ряд, который я создаю сознательно, — музыкальный, потому что в великой музыке есть тоже феномен свечения человеческой энергии... Без этого свечения, без этого литературного согревания сегодня не может быть никакого искусства.

— Ваш любимый писатель?

— Сейчас — Томас Манн: я осторожно приближаюсь к «Волшебной горе». У меня есть вариант пьесы, но покамест он мне не очень нравится — продолжаем над ним работать. Это будет одна из наших ближайших работ...

Еще — Оскар Уайльд: мы сейчас работаем над его «Саломеей». Если «Саломея» — то следом идет Бердслей. Если Бердслей — то следом Евреин, который писал о Бердслее. Здесь же — весь круг людей, который занимался творчеством Уайльда. И, конечно, «Исповедь» Уайльда... Ян Парандовский — «Король жизни»... Все это — книжки, которые сейчас нам необходимы.

— Можно задать лучезарно-идиотский вопрос: у вас есть мечта?

— Конечно! Она связана с теми артистами, с которыми я работаю. Сам принцип нашей работы — семья. Я пытаюсь сделать так, чтобы мы не работали по обычной театральной государственной структуре, где все функции определены заранее. У нас другие функции: папа, мама, сестры, братья... Завтрак — каждый принес свой товар. Это и есть обмен душевным теплом. Утоляется потребность в обмене любовью и добром. Впереди — обед и ужин...

— Каким был для вас ушедший год?

— Как и все эти годы, прошедший год был для меня годом, когда была возможность развоплощения своей души, была возможность реализации этого не только у нас в стране, но и во время встреч с людьми другого мировосприятия и мировоззрения... Это великое счастье. Идея соборности людей разных частей мира оказалась реальной. Мы встречались с артистами американскими, итальянскими, шведскими, финскими, немецкими... Есть удивительная общность между артистами разных частей земного шара. Эта общность питается одиночеством и потребностью в любви.

— Некоторое время назад Евгений Евтушенко перед отъездом в Америку, говоря о том, что собирается снимать новый фильм, обмолвился: в мире сейчас есть только русские и английские актеры... Вы согласны с этим утверждением?

— Согласен. Но у английских артистов на первом месте все-таки интеллект, анализ. Для русских артистов сладость безумия важнее, чем аналитическое состояние. Наш театр — это вампир, который медленно пожирает мозг и сердце. У них этот вампир только услаждает мозг. У нас — театр связан с гибелью, с сознательной гибелью. Жизнь в театре — это сознательное распятие себя. Это высочайшая миссия. Думаю, этого нет ни в каком другом театре мира.

— Вы не будете возражать, если мы назовем нашу беседу «Сладость безумия»?

— Именно — сладость безумия!

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ
при участии
Федора ЛЕТУНОВСКОГО.